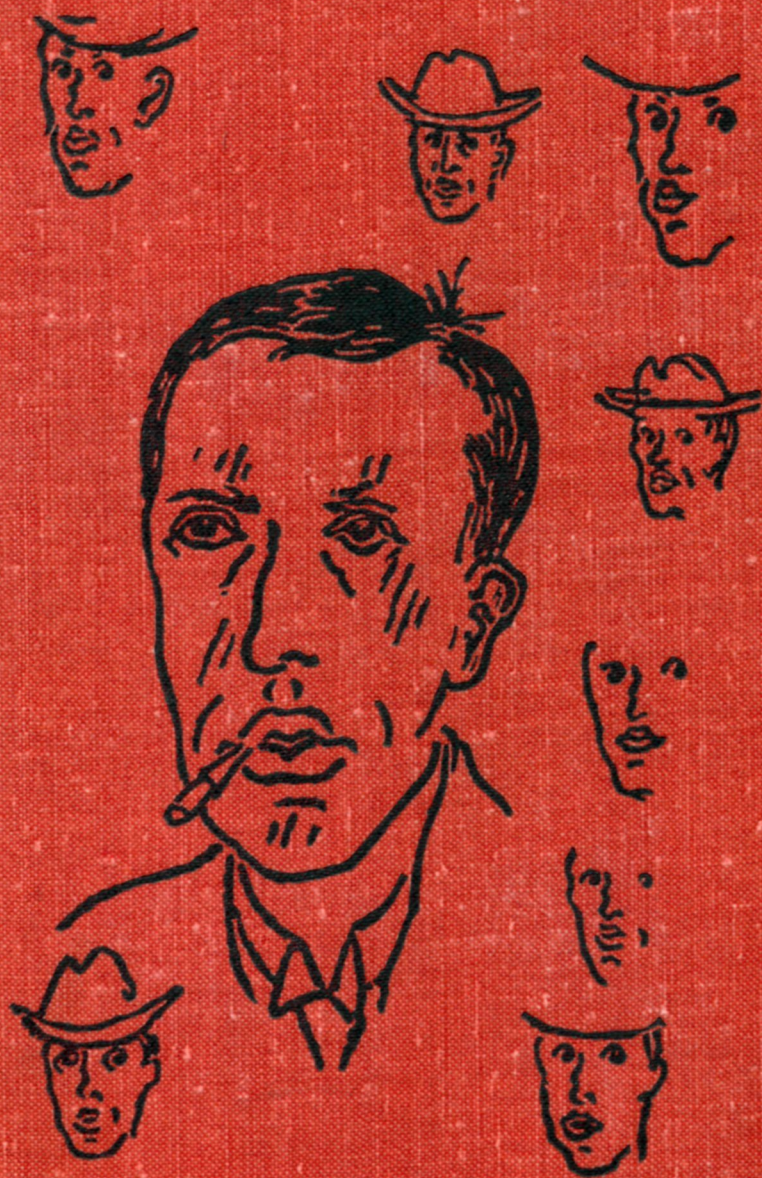

Карел Чапек

Карел Чапек

Собрание сочинений

в семи томах

*С иллюстрациями
Карела и Йозефа Чапек*

Редакционная коллегия:

Н. А. АРОСЕВА, О. М. МАЛЕВИЧ,
С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Б. Л. СУЧКОВ

Москва «Художественная литература» 1974

Карел Чапек

Собрание сочинений

Том первый

Рассказы

Перевод с чешского

Москва «Художественная литература» 1974

И (Чехосл)
Ч 19

Составление
С. Никольского

Вступительная статья
Б. Сучкова

Примечания
О. Малевича

Оформление художников
В. Шумиловой и Л. Рабичева

© «Художественная литература», 1974 г.

Ч $\frac{70304-284}{028(01)-74}$ подписное

она приветливо завияла толстой колбасой, которая у других собак называется хвостом.

— Сударь, — просяяв, сказала мне Северинова. — Вот она, наше золотко Амина, наше сокровище, наша милая собачка. Знаете ли вы, что к нам на днях через окно забрался вор и Амина его прогнала? Я ни за что на свете не расстанусь с ней... — гордо объявила она. — Но вас она любит — животное сразу узнает, честный ты человек или нет. Верно, Амина?

Вот и все. Уникальный ковер лежит там и поныне. По-моему, это одно из драгоценнейших ковровых изделий в мире. И поныне на нем похрюкивает от удовольствия паршивая вонючая Амина.

Надеюсь, что она скоро издохнет от ожирения, и тогда я предприму еще одну попытку. Но прежде мне надо научиться распиливать решетки...

История о взломщике и поджигателе

— Что верно, то верно, — отозвался Илек. — Красть надо умеючи. То же самое говаривал Балабан, тот самый, что «сработал кассу» у фирмы «Шолле и компания». Этот Балабан был просвещенный и вдумчивый взломщик, да и годами уже не молод, а это значит, что он, сами понимаете, был опытнее других. Молодые все больше действуют в азарте. С маху, знаете ли, кое-что может удаться, а вот как начнешь размышлять да рассуждать, кураж-то и проходит, берешься за дело лишь по зрелом размышлении. То же самое и в политике, и во всем прочем.

«Так в о т, — говаривал Балабан, — в каждом деле есть свои правила. Что же касается взлома денежных касс, то правила это такие: во-первых, всегда лучше работать в одиночку, потому что «медвежатник» ни на кого не должен полагаться. Во-вторых, не следует долго работать в одном месте, чтобы не узнали твоей повадки. И, в-третьих, надо идти в ногу с эпохой и осваивать все новое по своей специальности. Но наряду с этим нельзя особенно выделяться — лучше держаться на среднем уровне, — чем больше нашего брата работает одинаково,

тем труднее полиции ловить нас». Поэтому Балабан придерживался «фомки», хотя у него была электродрель и он умел работать с термитом. «К чему связываться с такими модными новинками, как бронированные сейфы? — рассуждал он. — Все это от чрезмерного тщеславия и честолюбия. Гораздо лучше старые солидные фирмы со старомодными стальными кассами, в которых хранятся деньги, а не какие-то там чеки». Да, он всегда все хорошо обдумывал и взвешивал, этот Балабан. Помимо взломов, он торговал старинной бронзой, посредничал в сделках с недвижимостью, барышничал лошадьми и вообще был оборотистый человек.

И вот он решил в последний раз «сработать кассу». Это будет, мол, такая чистая работа, что молодежь рот разинет. Главное не в том, чтобы добыть побольше денег, главное, чтобы не засыпаться.

И вот Балабан выбрал свою «последнюю» кассу — у фирмы «Шолле и компания», знаете, фабрика в Вубках, — и в самом деле «сработал» на редкость чисто. Мне об этом рассказывал полицейский сыщик Пиштора. Балабан влез в контору через окно, выходившее во двор — вот, как и вы, господин Витасек, — но только ему пришлось перепилить решетку. «Поглядеть было приятно, — рассказывал этот Пиштора, — как ловко Балабан вынул решетку, даже не намусорил, до того аккуратно работал этот мастер». Кассу он вскрыл с первого же «захода», — ни одной лишней дырки или царапины, даже краску зря не содрал. «Сразу было видно, с какой любовью человек это делал», — говорил Пиштора. Эту кассу потом взяли в музей криминалистики как образец мастерской работы.

Вскрыв кассу, Балабан вынул деньги, тысяч около шестидесяти, съел кусок хлеба со шпиготом, что принес с собой, и снова вылез в окно. «Для полководца и для взломщика отступление — главное», таково было его правило. Он спрятал деньги у двоюродной сестры, инструмент отнес к некоему Лизнеру, пришел домой, вычистил одежду и обувь, умылся и лег спать, как всякий честный труженик.

Еще не было восьми утра, когда постучали в дверь. «Господин Балабан, откройте!» — «Кто бы это мог быть?» — удивился Балабан и с чистой совестью пошел отворить. Вваливаются двое полицейских и с ними этот самый сыщик Пиштора. Не знаю, встречались ли вы

когда-нибудь с ним: этакий маленький человечек, зубы, как у белки, и вечно усмехается. Когда-то он служил в похоронном бюро, но его уволили, потому что все окружающие не могли удержаться от улыбки, видя, как он топает перед катафалком и забавно скалится. Я заметил, что многие стеснительные люди улыбаются от смущения; они просто не знают, что делать с физиономией, как иные — куда деть руки. Вот почему эти люди так усердно ухмыляются, когда говорят с какой-нибудь высокопоставленной особой, например, с монархом или президентом... Не столько от удовольствия, сколько от смущения... Но вернемся к Балабану.

Увидя полицейских и Пиштору, он разразился справедливым негодованием:

— Вы што ко мне шуда лезете? Я ш вами не хочу иметь никакого дела...

Балабан сам удивился, как он шепелявит.

— Да что вы, господин Балабан, — усмехнулся Пиштора. — Мы пришли только взглянуть на ваши зубы. — И он подошел к расписной кружке, в которую Балабан клал на ночь свою вставную челюсть (он, видите ли, однажды неудачно прыгнул из окна и потерял все з у б ы). — А ведь верно, господин Балабан, — выразительно продолжал Пиштора, — плохо держатся эти зубные протезы, а? Когда вы сверлили кассу, зубы у вас ходили ходуном, вот вы и вынули их и положили на стол. А там пыль... Сами должны бы знать, какая пылица в этих конторах. Ну, мы нашли след от этих зубов и отправились прямо к вам. Уж вы не сердитесь, господин Балабан, вам надо было бы ту пыль вытереть.

— Вот не повезло! — огорчился Балабан. — Да, Пиштора, недаром говорится, что от одной ошибки не убежится самый ловкий пройдоха.

— А вы сделали две, — осклабился Пиштора. — Едва мы осмотрели контору, как сразу решили, что это ваша работа. И знаете почему? Каждый порядочный взломщик обычно... извиняюсь... облегчается на месте преступления. Такая уж есть примета, что тогда тебя не поймают. А вы рационалист и скептик, суеверий не признаете, думаете, что во всяком деле достаточно только рассудка. Вот вам и результат. Да, господин Балабан, красть надо умеючи!

— Бывают такие сметливые люди, надо отдать им должное, — задумчиво сказал М а л ы й. — Я читал об одном интересном случае, возможно, некоторые из вас о нем не знают, так вот, послушайте. Дело было где-то в Штирии, жил там шорник по имени Антон, а по фамилии не то Губер, не то Фогт или Мейер, в общем, этакая заурядная немецкая фамилия. Так вот, в день своих именин сидел этот шорник за праздничным столом в семейном кругу. Кстати, в этой Штирии плохо едят даже по праздникам, не то что у нас. Я, например, слышал, что у них едят даже каштаны. Так вот, этот шорник сидит себе после обеда со своим семейством, и вдруг кто-то стучит в окно.

— Сосед, у вас крыша горит!

Шорник выбегает на улицу — и верно, крыша у него вся в огне. Ну, конечно, дети ревут, жена с плачем выносит стенные часы. Много я видел пожаров и всегда замечал, что люди теряют голову и торопятся спасти что-нибудь ненужное, вроде часов, мельницы для кофе или клетки с канарейкой. А потом только спохватываются, что в горящем доме остались бабушка, одежда и всякие ценности.

Сбежались соседи, принялись тушить пожар, но больше мешали друг другу. Потом приехали пожарные. Сами знаете, пожарному надо переодеться, прежде чем ехать на пожар. Тем временем занялось соседнее строение, и к вечеру пятнадцать домов сгорели дотла.

Настоящий пожар можно, знаете ли, увидеть только в деревне или в небольшом городке. Крупный город — совсем другое дело: там вы смотрите не на самый пожар, а на трюки пожарников. А лучше всего самому помогать тушить или хотя бы советовать тем, кто тушит. Гасить пожар — увлекательная работа: огонь так и шипит, так и фыркает... А вот носить воду из реки никому не нравится.

Странная у человека натура: если он видит какое-нибудь бедствие, ему хочется, чтобы оно было грандиозным. Большой пожар или большое наводнение как-то встряхивают человека. Ему кажется, что он получил от жизни что-то новое. А может быть, в нем просто говорит языческое благоговение перед стихией? Не знаю.

На следующий день там было, как... ну, словом, как на пожарище, лучше уж не скажешь. Огонь — красивая

штука, но вид пожарища ужасен. Все равно как с любовью. Смотришь беспомощно и думаешь, что от такой беды век не оправишься...

Был там молодой полицейский, он расследовал причины пожара.

— Господин вахмистр, — сказал ему шорник Антон, — головой ручаюсь, что это поджог. Почему бы пожару случиться именно в день моих именин, когда я сидел за столом? В толк, однако, не возьму, кому это вздумалось мстить мне. Зла я никому не делаю, а политикой уж и подавно не занимаюсь. Просто не знаю, кто мог иметь на меня зуб.

Был полдень, солнце светило вовсю. Вахмистр ходил по пожарищу, думая: «Черт теперь разберет, отчего загорелось».

— Слушайте, Антон, — спросил он вдруг, — а что это такое блестит у вас наверху, вон на той балке?

— Там было слуховое окно, — отвечал шорник. — Наверное, какой-нибудь гвоздик.

— Нет, это не гвоздик, — возразил полицейский. — Больше похоже на зеркальце.

— Откуда там быть зеркальцу? — удивился шорник. — На чердаке у меня только солома.

— Нет, это зеркальце, — отвечает вахмистр. — Я вам его покажу.

Приставил он пожарную лестницу к обгоревшей балке, влез наверх и говорит:

— Так вот оно что, Антон! Это не гвоздик и не зеркальце, а круглое стеклышко. Оно прикреплено к балке. Для чего оно там у вас?

— А бог его знает, — ответил шорник. — Верно, дети играли.

Полицейский рассматривал стеклышко да вдруг как вскрикнет:

— Ах, черт, оно жжется! Это что же такое? — И потер себе кончик носа. — Тьфу, пропасть! — воскликнул он снова. — Теперь оно мне руку обожгло. Ну-ка, Антон, живо подайте мне сюда клочок бумаги!

Шорник протянул ему листок из блокнота. Вахмистр подержал бумажку под стеклом.

— Так вот, Антон, — сказал он через минуту, — похожему, дело ясное.

Он слез с лестницы и сунул листок под нос шорнику, В листке была прожжена круглая дырочка, и края ее еще тлели.

— К вашему сведению, Антон, — продолжал вахмистр, — это стеклышко не что иное, как двояковыпуклая линза, или лупа. А теперь я хотел бы знать, кто укрепил эту лупу здесь, на балке, как раз у охапки соломы. И говорю вам, Антон, тот, кто это сделал, уйдет отсюда в наручниках.

— Господи Иисусе! — воскликнул шорник. — У нас и лупы-то в доме не было. Э-э, погодите-ка, — спохватился он. — У меня был в учении мальчишка, Зепп по имени, он вечно возился с такими штуками. Я его прогнал, потому что от него не было толку, в голове ветер да какие-то дурацкие опыты. Неужели пожар устроил этот чертов мальчишка?! Нет, этого не может быть, господин вахмистр, ведь я прогнал его в начале февраля. Бог весть где он теперь, сюда с тех пор он ни разу не показал носу.

— Уж я-то дознаюсь, чья это лупа, — сказал вахмистр. — Дайте-ка телеграмму в город, пусть пошлют сюда еще двух полицейских. А лупу чтобы никто пальцем не трогал. Первым делом надо найти мальчишку.

Ну, того, конечно, нашли, он был в учении у какого-то кожевника в другом городе. Едва полицейский вошел в мастерскую, мальчишка затрясся, как лист.

— Зепп! — крикнул на него вахмистр. — Где ты был тринадцатого июня?

— Здесь был... здесь, — бормочет мальчишка. — Я здесь с пятнадцатого февраля и никуда не отлучался, у меня свидетели есть.

— Он не врет, — сказал хозяин. — Я могу подтвердить, потому что он живет у меня и нянчит маленького.

— Вот так история! — удивился вахмистр. — Значит, это не он.

— А в чем дело? — заинтересовался кожевник.

— Да вот, — объясняет вахмистр, — есть подозрение, что тринадцатого июня, где-то там, у черта на куличках, он поджег дом шорника — и половина деревни сгорела.

— Тринадцатого июня? — удивленно говорит хозяин. — Слушайте-ка, это странно: как раз тринадцатого числа Зепп вдруг спрашивает меня: «Какое сегодня число? Тринадцатое, день святого Антония? Сегодня кое-что должно случиться...»

Мальчишка вдруг вскочил и хотел дать тягу, но вах-мистр ухватил его за шиворот. По дороге в кутузку Зепп во всем сознался: он был зол на шорника за то, что тот не позволял ему делать опыты и лупил как Сидорову козу. Решив отомстить хозяину, мальчик рассчитал, где будет стоять солнце в полдень тринадцатого июня, в день именин шорника, и укрепил на чердаке лупу под таким углом, чтобы загорелась солома, а он, Зепп, к тому времени смоемся подальше. Все это он подстроил еще в феврале и ушел от шорника.

И знаете что? Осмотреть эту лупу приезжал ученый астроном из Вены и долго качал головой, глядя, как точно она соответствует положению солнца в зените именно на тринадцатое июня. «Это, говорит, изумительная сообразительность, если учесть, что у пятнадцатилетнего мальчишки не было никаких геодезических инструментов». Что было дальше с Зеппом, не знаю, но уверен, что из этого озорника вышел бы выдающийся астроном или физик. Вторым Ньютоном мог бы стать этот чертов мальчишка! В мире ни за что ни про что пропадает много изобретательности и замечательных дарований! У людей, знаете ли, хватает терпения искать алмазы в песке и жемчуг в море, а вот отыскать дарования и таланты, чтобы они не пропали впустую, это никому не придет в голову. А жаль!

Украденное убийство

— Это напоминает мне одно преступление, — сказал Гоудек, — которое было тоже хорошо задумано и подготовлено. Боюсь только, что мой рассказ вам не понравится, так как у него нет конца, и тайна остается нераскрытой. Если будет неинтересно, скажите, я не стану рассказывать.

Вы, кажется, знаете, что я живу на Крুцембургской улице на Виноградах. Это одна из тех коротких поперечных улиц, на которых нет ни трактира, ни прачечной, ни даже угольной лавки. Обитатели этой улицы ложатся спать в десять часов, кроме тех прожигателей жизни, которые слушают радио и поэтому залезают в постель